

Что-то главное

Осень перелётом переломится,
Стрелки циферблат разметят заново.
Самолёт трясёт (как второгодницу —
Встречный ветер важного экзамена).

Тучи ждут тебя, не поворачивай —
Плачет дождь водою, не чернилами,
И ночей бессонье предназначено
Напоить живительною силою,

Позже зёрна слов взойдут посевами,
Между строк оставив что-то главное.
Пустота плечо целует левое.
Облака плечо целуют правое.

Эльза

У Эльзы — карий цвет глаз и белое платье.
Она говорит: «Я выбираю, с кем здесь играть мне».
Эльза берёт в руки мел. Чертит вокруг себя круг.
«Раз, два, три. Тот, кто в круге — мой друг».

Она избегает хромого мальчишку-соседа.
Он часто зовёт её с мамой своею обедать,
И мальчик мечтает под ручку гулять по аллее,
Но Эльза, его обсуждая с подругой, жалеет.

Эльза становится старше, теперь ей шестнадцать.
К её биографии трудно хоть в чём-то придраться.
У девушки светлые волосы, платье из серого плюша.
Круг, нарисованный мелом, становится уже.

Чем старше она, тем реже берётся за книги.
Всё чаще по радио слышит она о блицкриге,
Эльза рисует себе идеалы кусочками мела,
И всех, кто на них не похож,
Желает под них переделать.

Эльзе за сорок. У Эльзы есть дочь —
На неё как две капли похожа.
Эльза теперь по утрам светлит свою кожу,
Платье из шкафа берёт (платье цветом, как сажа),
И это удобно — всё делать как старший укажет.

Круг Эльзу душит, как душит ошейник овчарку:
Жизнь непохожих не стоит и ломаной марки,
Всех, кто не в круге, — сослать, извести, уничтожить,
Им, непохожим, ничто — даже труд — не поможет,

Но... Что-то не так: Эльза плачет в объятьях подруги.
Похоже, что дочь её тоже вышла из круга.

Вернись

Вернись туда, где было хорошо,
И обнаружь пустыни и пустоты,
И вечность, что истёрлась в порошок,
И пса, который не узнает, кто ты.

Пожары стали пеплом и золой,
Священный Иордан — угрюмой Летой,
И северный циклон — колючий, злой —
Не ждёт от сфинксов верного ответа.

Безмолвствует и град Ершалаим:
По-прежнему ничьим слезам не веря,
Твои тепло и нежность из глубин
За неуплату выставил за двери.

В сентябрьский никчёмный ясный день
Ничто не согревает, даже солнце.

Я вспомню всё, когда пройдёт мигрень,
Но ничего внутри не шевельнётся.

Письмо

...Что до мира — он бесится, будто твоя центрифуга.
Мир штормит новостями, эфир Вавилоном гудит,
Словно Бах на органе играл ре-минорную фугу,
Так и умер, а трубы хрипят: «Защити, отведи».
Что до люда — всяк важен, как крестного хода хоругви,
Все куда-то идут, пастырь съеден под хлеб и вино,
И людского потока привычно зомбируют звуки,
Оживляя тебя, словно кадры немого кино.
Ну а что до меня — здесь достаточно пищи и света,
У меня есть свирель и акации в белом цвету.
Тишина неподвижна. Погода — без четверти лето.
Я сплетаю венок. Приезжай ко мне. Я тебя жду.

Твердь и небо

Памяти Соколовой Анны Андреевны

Может быть, там будет всё иначе.
Может быть, там будет много проще,
Так уж вышло — ты не предназначен
Для войны. Для мира, впрочем, тоже.

Мир чужой, шершавый, как наждачка,
Слой за слоем смыслы поснимает:
Если больно — пишется заплачка,
Если сладко — лирика иная.

Не справляясь с жизненной задачей,
Под ударом шарика земного
Падаем, как кегли, и удача —
Если мы успели хоть немного.

Нам нальют до краешка стаканы,
Нас накормят твёрдой коркой хлеба,
До сих пор не верю, даже странно —
Нас зароят в твердь, твердя о небе.